

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

М. И. Сухомлинова.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXII^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1873.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.	Эггерса и Коми., въ С. П. Б.
Н. Глазунова, въ С. П. Б.	Г. Шиндлерова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.	Н. Киммеля, въ Ригѣ.
А. А. Черкесова, въ С. П. Б.	Энциджинца и Коми., въ Тифлисѣ.
А. В. Кохрибарджи, въ Одессѣ.	

Цена 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1873 года.

Непрерѣнный Секретарь *К. Весселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

(Записка Академика М. И. Сухомлинова.)

Въ ряду произведеній нашей повѣствовательной литературы Шемякинъ Судъ заслуживаетъ вниманія какъ по своему содержанию и характеру, такъ и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для разъясненія состава и происхожденія литературныхъ памятниковъ нашей старины. Въ XVII столѣтїи люди книжные списывали и вносили въ сборники повѣсть о судѣ Шемяки, интересовавшую ихъ своимъ сатирическимъ складомъ, своими забавными и остроумными подробностями. Въ XVIII вѣкѣ являлись передѣлки этого памятника, которому отводили мѣсто въ ряду образцовыхъ сатирическихъ произведеній, подобно баснямъ и притчамъ Сумарокова. Въ наше время ученые, какъ русскіе, такъ и иностранные, касаются преимущественно вопроса о составѣ памятника и соотношеніи его съ однородными произведеніями восточныхъ и западныхъ литературъ. Указывая на связь его съ условіями русскаго быта и общественной жизни, относятъ его къ тому же разряду, какъ и сказку о Ершѣ Ершовичѣ и лубочную картину «мышь kota погребаетъ».

Шемякинъ Судъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ конца XVII и начала XVIII столѣтїя. Лучшимъ спискомъ называли тотъ, который находится, хотя и въ неполномъ видѣ, въ рукописи Бѣльскаго: «доселѣ — говоритъ Сахаровъ — не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто-либо другой». ¹⁾ Списки, изданные

¹⁾ Русскія народныя сказки. 1841, стр. 269—270.

впослѣдствіи не представляютъ между собою существеннаго различія.

Шемякинъ Судъ послужилъ сюжетомъ не только для литературы, но и для народнаго искусства. Лубочныя картинки, числомъ двѣнадцать, помѣщенные на одномъ листѣ, изображаютъ двѣнадцать событій мудренаго суда: бѣднякъ просить у богатаго лошади; бѣднякъ верхомъ на лошади, привязанной хвостомъ къ дровнямъ; бѣднякъ просить у богатаго прощенія, что оторвалъ хвостъ у его лошади; бѣднякъ падаетъ съ палатей; бѣднякъ падаетъ съ моста; передъ судьей Шемякой: бѣднякъ съ своимъ богатымъ братомъ, съ отцомъ задавленнаго имъ ребенка и съ сыномъ убитаго имъ старика; бѣднякъ мирится съ братомъ и съ двумя другими противниками; судья радуется избавленію отъ угрожавшей ему гибели.

Тѣже сюжеты, только съ несравненно большимъ искусствомъ представлены и въ одинадцати гравюрахъ, изданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія писателемъ-художникомъ, скрывшимъ свое имя подъ буквами А. О. (быть можетъ Алексѣй Оленинъ). Текстъ этого изданія есть переложеніе разсказа лубочной картины въ стихи, разбавленные сентенціями по тогдашнему литературному обычаю. Гравюры изображаютъ тѣ же самыя событія, что и лубочныя картинки и въ той же послѣдовательности, только три сцены истцовъ и отвѣтчика передъ судьей Шемякой замѣнены двумя, изображающими подсудимыхъ передъ Шемякою и рѣшеніе судьи Шемяки. Аляповатыя фигуры лубочныхъ картинъ замѣнены довольно изящными фигурами въ русской одеждѣ и съ русскими лицами; вмѣсто ассирійскихъ и византійскихъ оруженосцевъ являются русскіе мужички.—Издатель говоритъ, что Шемякинъ Судъ «рѣдокъ стариною своею, онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія уложенія, ибо на спасскомъ мосту еще при царѣ Михайлѣ Федоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ картинками. Уповательно, что онъ забавнымъ своимъ происшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ, и въ младенчествѣ законодавцу соборнаго уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ народѣ какъ въ тѣ

времена, такъ и нынѣ весьма употребительнымъ²⁾. Стихи, поэта-гравера въ такомъ родѣ:

Смиренно богачу бѣдняга поклонился,
Лошадки съ хомутомъ онъ просить у него,
И милости сей ждетъ отъ брата своего.
Богатый, бѣдности не чувствуя мученья,
Исполнить просьбы сей не могъ безъ огорченья,
Съ великимъ сердцемъ онъ лошадку брату далъ,
А въ хомутѣ ему и вовсе отказалъ.
Не знаетъ нашъ бѣднякъ что дѣлать и съ лошадкой;
Но способъ наконецъ сыскалъ своей догадкой,
Что къ лошади за хвостъ возъ дровъ онъ привязалъ,
И сѣвши на дрова онъ прытко погонялъ....

Независимо отъ забавнаго содержанія въ пьесѣ видѣли своего рода мораль: при всей своей оригинальности судъ оказывается въ сущности справедливымъ и безобиднымъ, что и выражается въ заключительныхъ стихахъ переложения:

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезень:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вышло въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе лубочной картины Шемякина Суда, которое дало возможность иностраннымъ любителямъ народной словесности ознакомиться съ замѣчательною русскою сказкой. Въ журналѣ или точнѣе альманахѣ на 1808 годъ, изданномъ Гейдеке въ Ригѣ подъ названіемъ: *Janus*, въ числѣ нѣсколькихъ статей, относящихся къ исторіи русской образованности, какъ напримѣръ: о введеніи и развитіи книгопечатанія въ Россіи, исторія русскаго театра отъ начала его до Волкова, описаніе русскаго посольства во Францію и въ Испанію въ 1667, и др.,

²⁾ Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Басями въ лицахъ. Москва. 1794.—Въ предисловіи къ читателю: «за излишнее почтито представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякій читатель въ скучное время нашеть свое удовольствіе какъ въ стихахъ, такъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.»

помѣщенъ въ концѣ перваго выпуска Шемякинъ Судъ подъ заглавіемъ: Etto Schemäkin sud (ein russisches sprichwort ³).

Рижское изданіе Шемякина Суда не прошло незамѣченнымъ и безслѣднымъ. Иностранные ученые пользовались имъ, и, какъ видно изъ труда Бенфея, пользуются до настоящаго времени, обращая вниманіе на сходство русскаго памятника съ памятниками другихъ литературъ. Года черезъ три послѣ изданія Гейдеке извѣстный знатокъ и изслѣдователь германской старины фон-дер-Гагенъ указалъ, хотя и вскользь, на подобное сходство, именно на связь Шемякина Суда съ нѣмецкою пѣснью о Судѣ Карла Великаго ⁴).

Гораздо ближе къ подлиннику, нежели у Гейдеке, нѣмецкій переводъ Шемякина Суда, изданный Дитрихомъ, получившій оригиналъ отъ И. М. Снегирева. Къ изданію, заключающему въ себѣ семнадцать русскихъ сказокъ, приложено предисловіе Якова Гримма ⁵).

³) Janus oder Russische Papiere. Eine zeitschrift für das jahr 1808. Herausgegeben vom Probst Heideke. Erstes heft. Riga. 1808. — Etto Schemäkin sud: ein uraltes volksmärchen gab zu diesem sprichworte anlass. Es heisst auf deutsch das ist geurtheilet wie Schemäkin und wird immer gebraucht, wenn jemand de-raisonnirt, schief urtheilt, albern abspricht. Eine erklärung hierüber kann ich nicht besser geben, als wenn ich die beschreibung des zerrbildes, welches Schemäkins ritterliche prozedur in 12 quadraten in kupfer gestochen vorstellt, mittheile. Dabei erhalten die leser zu gleicher zeit ein probchen von national-fabeln im volkstone, aber mehr dürfen sie nicht erwarten (ср. 147—151).

⁴) Literarischer grundriss zur geschichte der deutschen poesie von der ältesten zeit bis in das sechszehnte jahrhundert durch F. H. von der Hagen und J. G. Büsching. Berlin. 1872. s. 172.... Karls Recht, ein meistergesang.... Docen in anmus. II, 276—83, wo ein auszug und mehr von den englischen und italienischen darstellungen dieser fabel. Von einer russischen vgl. die zeitschrift Janus, st. I. — Aehnliche erzählungen aus Karls jugend in der deutschen prosa von seinem leben. Ueberhaupt war im mittelalter, wie Artus durch seine milde, so Karl durch seine strenge rechtspflege berühmt, und häufig sind bei den minnesigern beziehungen auf Karls Recht....

⁵) Russische Volksmärchen in den urschriften gesammelt und ins deutsche übersetzt von Anton Dietrich. Leipzig. 1831. Das Urtheil des Schemjaka, ср. 187—191.

Вольный переводъ Гейдеке перепечатанъ Бенфеємъ въ его извѣстномъ сочиненіи: «Панчатантра». Бенфей выводитъ русскую повѣсть о судѣ Шемяки изъ предполагаемаго, но пока еще не открытаго, индійскаго источника, и посредствующимъ звеномъ считаетъ сказку тибетскую. Устная передача и постепенныя примѣси, по его мнѣнію, чрезвычайно измѣнили первоначальный видъ произведенія. Бенфей приводитъ, какъ однородныя съ рус-

Приводимъ нѣсколько выдержекъ для сравненія изъ изданій Гейдеке и Дитриха.

Текстъ любочинныхъ картинъ.

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: одинъ богатый, а другой убогій. Прииде убогій братъ къ богатому лошади просити, въ чемъ бы ему въ дѣсь по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовавъ на брата, не даде ему хомута, Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ....

Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому просить денегъ триста рублей. Убогій же пока за камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же прииде къ судѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститься: слава Богу, что я по немъ судилъ.

Jamus, von Heideke.

Es lebten in einem lande zwei brüder. Davon war der eine reich, der andre arm. Einst kam der letzte zu dem erstern und bat ihn ihm sein pferd zu leihen um damit holz aus dem walde zu führen. Der reiche wollte anfänglich nicht dran. Endlich gab er es ihm, doch schlug er ihm das geschirr dazu ab. Dem armen blieb nichts übrig als den schlitten an den Schweif des pferdes zubinden....

Er schickte seinen Bedienten zu dem, den seine wohlwollende billigkeit losgesprochen hatte, und liess ihn um 300 rubel er suchen. «Hätte mich der herr richter nicht losgesprochen, erklärte dieser, so wäre ihm der stein an den kopf geflogen». Nun so sei Gott gelobt, sagte Schemjaka, dass ich mich so klug aus dem handel zog.

Russische Volksmärchen, von Dietrich.

Auf einigen grundstücken lebten zwei brüder; der eine war reich, der andere arm. Da kam der arme bruder zu dem reichen um ihn um ein pferd zu bitten, damit er hoiz aus dem walde holen könnte. Der reiche gab ihm das pferd und der arme fing nun auch an um ein kummet zu bitten; der reiche aber zürnte auf den bruder und gab ihm kein kummet. Der arme bruder aber kam auf den gedanken, schlitten dem pferde an den schweif zu binden....

Der richter Schemjaka schickte seinen diener zu dem armen um drei hundert rubel zu verlangen. Der arme aber zeigte ihm den stein und sprach: «wenn der richter nicht für mich entschieden hätte, so würde ich ihn getödtet haben». Der diener kam zu dem richter und sagte von dem armen, wenn er nicht für ihn entschieden hätte, so würde er ihn mit dem steine getödtet haben. Der richter fing an sich zu bekreuzen und sprach: «Gott sei dank, dass ich zu seinem besten entschieden habe».

скою повѣстью: тибетское сказаніе изъ Дзанглуна, сказку о калпскомъ купцѣ и пѣсню о судѣ Карла Великаго ⁶⁾).

Русскій переводъ той же тибетской сказки Дзанглуна помѣщенъ г. Пыпинымъ въ статьѣ его о Шемякинѣ Судѣ вмѣстѣ съ текстомъ памятника, изданнаго по двумъ спискамъ: Толстовскому и Забѣлинскому ⁷⁾).

Въ исторической хрестоматіи церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ г. Буслаевъ помѣстилъ въ числѣ помятниковъ языка семнадцатаго вѣка и Шемякинъ Судъ по списку, принадлежащему самому г. Буслаеву. Ученый издатель говоритъ: «Эта сатира, основанная на преданіи о князѣ Шемякѣ, относится къ тѣмъ смѣхотворнымъ повѣстямъ, которыхъ большая часть была заимствована изъ польскихъ книгъ. Впрочемъ отсутствіе полонизмовъ въ Судѣ Шемякинѣ говоритъ въ пользу русскаго происхожденія этой сатиры на судей и подьячихъ. Рядъ судовъ Шемяки напоминаетъ апокрифическіе суды Соломона, встрѣчающіеся въ палетъ и хронографахъ, и какъ бы противопоставляетъ кривосудіе Шемяки правосудію Соломонову» ⁸⁾).

Г. Тихонравовъ въ статьѣ своей: «Шемякинъ Судъ» приводитъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, сходныя съ русскою повѣстью сказанія, собранныя въ книгѣ Бенфея, и въ свою очередь указываетъ сходныя черты въ произведеніяхъ польской литературы. Вѣскія указанія почтеннаго автора заключаются слѣдующею, вполне вѣрной характеристикой памятника: «Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западноевропейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ слу-

⁶⁾ *Pantschatantra: fünf bücher indischer fabeln, märchen und erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit einleitung und anmerkungen von Theodor Benfey 1859. I. стр. 394—404.*

⁷⁾ Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. 1859. Книга четвертая, стр. 1—10.

тайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самого Шемяки судьи⁹⁾.

Справедливость вывода г. Тихонравова подтверждается текстомъ сказки, записаннымъ со словъ народа и помѣщеннымъ въ замѣчательномъ изданіи покойнаго Аванасьева¹⁰⁾. Признавая, что повѣсть о судѣ Шемяки сдѣлалась вполне народнымъ достояніемъ, ибо изъ устъ поселянъ можно слышать ее съ различными видоизмѣненіями, Аванасьевъ находитъ одинаково возможнымъ одно изъ двухъ: или народная фантазія овладѣла книжнымъ разсказомъ и стала его варіировать посвоему, или же самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго разсказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника. Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аванасьева приводится какъ устная, такъ и книжная редакція повѣсти.

На основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ устною словесностью народа, такъ и старинными рукописями и лубочными картинками, повѣсть о судѣ Шемяки является въ слѣдующемъ, наиболѣе полномъ, видѣ:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата¹¹⁾: богатый и убогій. Нанялся убогій къ богатому, бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не работая пѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приносилъ убогій домой, отдаетъ хлѣбъ и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работай ты пѣлую зиму, а всего-на-мать, а я по милости Божіей, ни въ чемъ не всего заработалъ двѣ мѣры ржи; знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю коли смолошь ее да хлѣбовъ на тебя за тѣмъ и хлѣбомъ и деньгами». — Постои! печь—поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и по-хочетъ: «чертъ съ нимъ и съ его добромъ! я ѣзжай въ поле пахать да сѣять: сына своего ни за какія деньги не продамъ». авось Господь Богъ уродитъ, бу-	Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой—до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не работая пѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приносилъ убогій домой, отдаетъ хлѣбъ и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работай ты пѣлую зиму, а всего-на-мать, а я по милости Божіей, ни въ чемъ не всего заработалъ двѣ мѣры ржи; знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю коли смолошь ее да хлѣбовъ на тебя за тѣмъ и хлѣбомъ и деньгами». — Постои! печь—поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и по-хочетъ: «чертъ съ нимъ и съ его добромъ! я ѣзжай въ поле пахать да сѣять: сына своего ни за какія деньги не продамъ». авось Господь Богъ уродитъ, бу-
---	---

⁹⁾ Историческая христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ. 1861. стр. 1443—1448.

¹⁰⁾ Лѣтописи русской литературы и древности. Т. III. Книжка пятая. 1861. Смѣсь и библиографія, стр. 34—38.

¹¹⁾ А. Н. Аванасьева, Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый. 1861, стр. 82—84. Выпускъ восьмой. 1863, стр. 325—330.

¹²⁾ Въ иныхъ спискахъ: «два пустытника»; въ другихъ — «два брата земледѣльцы».

демъ и мы съ хлѣбомъ. — Не пойду, сказалъ убогій; все одно: проси, не проси, не дасть онъ быковъ! — «Ступай! теперь братъ въ большой радости: родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошолъ убогій къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посеялъ, заборонилъ, управился и — домой. Ыдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, добрый человекъ!» — Здорово, старикъ! — «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?» — Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. — «А быки чьи?» — Быки братнины. — «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай что знаешь: или сынъ у него помретъ или быки издохнутъ». Подумалъ-подумалъ убогій: жалко ему и быковъ и сына братнина, и говоритъ: «пу-скай лучше быки подохнутъ!» Будь потвоему, сказалъ старецъ, и пошолъ дальше. Сталъ подѣ-жжать убогій братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ же издохли. Горько онъ заплакалъ и поѣхалъ къ богатому: «прости, говорить, безъ вины виновать. Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали!» — «Какъ пропали? нѣтъ, любезный, со мною такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами». И повезъ его къ праведному судиѣ ¹²⁾.

гласна, не даетъ сына. «Ну хоть поможисъ, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобы даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ или дочь, возьму тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ и деньгами». Пришолъ убогій къ хозяйкѣ, рассказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну чтожъ, родить ему жена или нѣтъ, а Богу молиться не грѣхъ!» Зачали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и слышали ихъ Господь: возволновалась у богатого жена и родила ему сына. Только богатый забылъ про свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитого купца, назвалъ гостей, и пошолъ у нихъ пиръ горой. «Ну что много надавалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба, стала говорить убогому жена его; пойди хотъ лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить». Пошолъ убогій. Увидалъ его богатый и закричалъ грубымъ голосомъ: «ты еще зачѣмъ?» — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ по дрова съѣздить. — «Ишь выбралъ время; развѣ не видишь, что у меня гости?» — Поломался, поломался, и далъ ему старика мерина. Поѣхалъ убогій въ лѣсъ. Пока рубилъ онъ дрова, приѣхалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатый, напустился на брата пуще ворога: «собирайся. Говорить, поѣдемъ въ судъ судиться». — Твоя воля: что хочешь, то и дѣлаешь ¹³⁾.

Будутъ они къ праведному судиѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга, лежали глубокие. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите добрые люди, выручите изъ бѣды!» сталъ просить извозчикъ.

Богатый же ссужая много лѣта убогова и не може его скудости исполнить, и по нѣколику времени приде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужалъ тебя много, а наполнить тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у него просити: хомута нѣтъ, и

Приде убогій братъ къ богатому лошади просити на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута просить; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умирече ему: брате, ссужалъ сли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ, и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ вѣ-

¹²⁾ Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 82—83.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 88. Вариантъ.

«Дай сто рублей», говорить богатый. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублей? — «Ну, самъ и вытаскивай». — Постой, говорить убогий, я тебѣ задаромъ помогу. — Соскочилъ съ сани, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить; понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! нападъ на него извощикъ; вѣдь конь то двѣсти рублей стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ, сказалъ богатый извощику, что съ нимъ долго разговаривать! садись со мной да поѣдемъ къ праведному судѣ.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатый съ извощикомъ пошли въ избу, а убогий стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаютъ мужикъ глубокой колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня; эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не dokonалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судѣ.

оскорбился на него богатый братъ, и нача ему поносить и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогий же пойдѣ къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привязавъ дровни къ лошади за хвостъ, и пойдѣ въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и накладчи на дровни елико лошади возможно везти и повезе къ двору своему. И привезчи дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ, лошадь же изо всей мочи бросяся зъ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогий же вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и пойдѣ на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить.

И приидоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый пойдѣ ночевать къ попу того села по значкомству. Убогий же братъ приидѣ къ тому же попу, а богатый братъ нача попу сказывать про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попеть богатымъ ужинать и пити и ясти. Убогий же нача съ полатей смотреть что поеть зъ братомъ его поеть и ѣсть, а его не позовутъ, и незапу убогий урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть и совершася (со-вѣщася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить че-

лошади везти и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забывъ выставить; лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогий къ богатому приведе лошадь безъ хвоста. Богатый же видѣ лошадь безъ хвоста, не принявъ у него лошади, и пойдѣ на убогаго бить челомъ къ Шемякѣ судѣ. Убогий, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка — у голова давно смѣчена, что хоженато дасть будетъ нечего, поидѣ аслѣдъ брата своего.

И приидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ же нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться; убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогий же вниде на полати, псгладывая на нихъ и внезапно упалъ съ полатей, и задалъ ребенка въ люлькѣ до смерти; мужикъ же поидѣ къ Шемякѣ судѣ на убогаго бить челомъ.

ломъ на убогаго же въ убиствѣ сына своего. И приидоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій же иде за нимиже.

И выидоша всѣ во градъ, и какъ убогій пойде мостомъ — мость же сдѣланъ надъ глубокимъ ровомъ — и нѣкій человекъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же размыслиа въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умыслиа въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упалъ на стараго человека — сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Тогожъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку.

Убогій же мысляше какъ бы ему бѣды избыти, и умыслиа взятъ камень и завертѣ въ платъ и положить въ шапку, и ста передъ судьею, и принесе брата его исковую челобитную въ лошади и подаде судѣ. Судья же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати: Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платъ заверченный камень и показавъ де и поклонися.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогій загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына». — Нѣтъ, сказалъ богатый, пусть лучше быки пропадаютъ.

Говоритъ праведный судія: «пустъ убогій купитъ тебѣ новую лошадь, а ты, богатый, отдай ему сына: вѣдь онъ тебѣ сы-

Судія же надѣяся, что ему отъ дѣла сулитъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братья твоя у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не ели до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ вырастетъ: въ то время у него лошадей возьми.

Потомъ нача другій судъ быти, и подаде погъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій также выня-

Идущимъ же имъ ко граду купно богатый братъ и оный мужикъ, убогій же за ними идяше; прилучися имъ идти высокимъ мостомъ, убогій же иде съ ними и разукъ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки, и бросился съ мосту — хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ отца везетъ хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ понде битъ челоомъ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ приде къ Шемякѣ судѣ бити челоомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подыа камень и завяза въ платъ, и кажетъ позади брата и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти.

Судья же чая, что ему сто рублевъ дасть отъ дѣла, и приказалъ богатому отдать убогому лошадь, пока у нея хвостъ вырастетъ.

Потомъ прииде мужикъ, подаде челобитну въ убиствѣ младенца и нача битъ челоомъ; убогій же выня тотъ же камень и показ

на вымошлѣ, а ты его добра не попомнилъ ¹⁴⁾.

платѣ съ каменемъ и такожь судѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда, сулилъ убогій же. Рече судья попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, пошъ, отдай тому убогую свою попадью.

Потомъ нача третій судѣ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевъ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій же вынявъ изъ шапки тотъ же заверченный камень въ платѣ и показавъ судѣ. Судья же чая, что ему третій узолъ сулилъ, и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты, убогій же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогаго, якоже бросился на отца своего. Убогій же нача Бога хвалити, что судья по немъ судѣ судилъ.

Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошади своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выросъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогую брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ(хвоста).

Потомъ же убогій нача попады просити по судейскому указу, чтобъ ему взнявъ попадью ребенка у ней добыть и съ рабенькомъ бы попу попадью отдать.

Попъ же нача убогую битъ челомъ, чтобъ у него попады не имать, а убогій же нача носиться и попадью хотя у попа взяти, и даде пошъ убогую за попадью 50 рублевъ

судѣ позади мужика. Судья же чая другое сто рублевъ даеъ отъ другаго дѣла и приказалъ: мужику отдать убогую жену по тѣхъ мѣстѣ, пока у ней ребенка сдѣлаеъ, и ты въ тѣ поры возьми къ себѣ жену и съ ребенкомъ назадъ.

Приде сынъ обѣ отцѣ битъ челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитную на убогаго. Убогій же вынулъ тотъ же камень и кажеъ судѣ. Судья же чая сто рублевъ даеъ отъ дѣла и приказалъ: сыну стать на мосту, а ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также скочи съ мосту на убогаго и застави его до смерти.

Приде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади проплатъ безъ хвоста, пока у ней выросъ хвостъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ три четверти хлѣба да козу дойную, и помирился съ нимъ вѣчно.

Приде убогій братъ къ мужику и нача по судейскому приказу жену проплати, и хотяше изъ нея ребенка такого же сдѣлать.

Мужикъ же нача съ убогимъ мириться и даде убогую 50 рублевъ да корову съ теленкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣ-

¹⁴⁾ Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 83—84.

денегъ да кобылу съ же-
ребенкомъ, да быка съ
коровою, да запасу вся-
каго хлѣба 40 четвертей.

Потомъ же нача убогій
третьему истцу по судей-
скому указу говорить: я
де стану подъ мостомъ, а
ты взыди на мостъ, а ты
съ мосту бросися на меня
такоже, якоже азъ на от-
ца твоего. Онъ же раз-
мышляя въ себѣ: аще
мнѣ бросится, его будетъ
не убити, а себя буде уби-
ти. И нача истецъ мирити-
ся и даде ему 30 руб-
левъ денегъ да лошадь съ
коровою.

Судя же высла чело-
вѣка своего къ отвѣтчику
и велѣлъ у него взять по-
казанные три узла. Чело-
вѣкъ же судейскій нача
у него трехъ узловъ про-
сити; онъ же вынявъ изъ
шапки заверченный камень
въ платъ, показа тому чело-
вѣку, и человѣкъ нача
его вопрошати, что то за
камень кажешь. Онъ же
рече: я де того ради сей
камень судѣ казаль, ка-
бы онъ не по мнѣ судилъ,
и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ
его ушибти. И пришедъ
человѣкъ и сказалъ судѣ.
Судя же слыша отъ чело-
вѣка своего и рече: бла-
годарю и хвалю Бога мо-
его, что я по немъ су-
дилъ; акъ бы я не по
немъ судилъ и онъ бы
меня ушибъ. Потомъ убо-
гій отыде въ домъ свой
радуясь и хваля Бога.
Аминь ¹⁵⁾.

ба, и помирися съ нимъ
вѣчно.

Приѣде убогій къ сыну
за отцово убийство, нача
ему говорить, что по су-
дейскому приказу тебѣ
стать на мосту, а мнѣ
подъ мостомъ, и ты бро-
сайся на меня и задави
меня до смерти. Сынъ же
нача помышляти себѣ:
какъ скочу съ моста, его
не задавишь, а самъ ушибу
до смерти, нача съ
убогимъ миритися: даде
ему денегъ 200 рублей,
да лошадь, да пять чет-
вертей хлѣба.

Судя же Шемяка вы-
сла слугу къ убогому
прошати денегъ 300 руб-
лей. Убогій же показа ка-
мень и рече: аще бы судя
не по мнѣ судилъ, и я
хотѣлъ его ушибити до
смерти. Слуга же приѣде
къ судѣ и сказа про убо-
гаго: аще бы ты не по
немъ судилъ, и онъ хо-
тѣлъ тебя этимъ камнемъ
ушибити до смерти. Судя
же нача креститися: сла-
ва Богу, что я по немъ
судилъ ¹⁶⁾.

¹⁵⁾ Рукопись Публичной Библиотеки, конца XVII и начала XVIII вѣка. Отдѣл. XVII. Q. № 41. 42—45 об. — Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. IV, 2—5. — Памятники старинной русской литературы, изд. гра. Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ второй; стр. 405—406.

¹⁶⁾ Приведенный текстъ заимствованъ изъ превосходнаго собранія лубочныхъ картинъ, составленнаго покойнымъ Далемъ. Въ отчетѣ публичной библиотеки за 1852 годъ сказано, что Далъ принесть библиотекѣ въ даръ «мно-

Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельство: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ — держать у себя лошадь пока вырастетъ у нея хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ цѣломъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ.

Въ тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ, браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія. Онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждami мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждami ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполне сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ. Такъ какъ отвѣтчикъ привелъ быка ничего не *сказавъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку-отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка

гочисленную, систематически расположенную коллекцію лубочныхъ картинъ. Присоединивъ ее къ полученной изъ древлехранилища г. Погодина, публичная бібліотека имѣетъ теперь едва ли не первое въ Россіи, по богатству и разнообразію, собраніе этихъ произведеній простонароднаго искусства и русскаго затѣйливаго остроумія» (стр. 82). — Лучшіе въ своемъ родѣ, два экземпляра лубочныхъ картинъ Шемякина Суда въ коллекціи Даля за весьма, весьма немногими исключеніями дословно сходны между собою; даже ошибки одни и тѣже, какъ напримѣръ «наслекъ» вмѣсто «ночлегъ». Почти единственный и самый крупный варіантъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной картинѣ: «отдать убогому жену, пока у ней ребенка сдѣлаетъ.... и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать». Въ другой: «пока у ней ребенокъ родится. Такая замѣна для соблюденія большаго приличія выраженія произошла быть можетъ вслѣдствіе цензурныхъ требованій: она встрѣчается именно въ томъ экземплярѣ, гдѣ есть дозволеніе цензора, на первомъ же экземплярѣ нѣтъ этого дозволенія. До 1822 года лубочныя картины выходили безъ цензуры; съ этого времени они подчинены полицейскому надзору, а съ 1826 года—общему цензурному уставу (Лубочныя картинки, соч. Снегирева. 1861, стр. 16).

царь приказываетъ бѣдняку взять ее себѣ въ жены и прижить съ нею другого ребенка, и т. п. ¹⁷⁾).

Въ индѣйской сказкѣ о кайрскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида взаймы деньги подѣ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидывается. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе, по остальнымъ обвиненіямъ — тѣже приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской ¹⁸⁾.

Идеаломъ правдиваго судьи для средневѣковой Германіи былъ Карлъ Великій. Имя его вошло въ пословицу: и „Карловъ судъ“ значило тоже, что правый судъ и судъ по старинѣ ¹⁹⁾. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія напечатана пѣсня о судѣ Карла Великаго, представляющая много сходнаго съ повѣстью о судѣ Шемяки. Въ 1493 издана въ Бамбергѣ пѣсня о Карлѣ подѣ такимъ заглавіемъ: *Von keiser Karls recht. Wie er ein kauffman und ein juden macht slecht, Von eins pfunds schmerbs weden das er aus seines seit-ten. M. gl.' v'setzt het* ²⁰⁾. Второе изданіе вышло въ Страсбургѣ въ 1498 году. Понятно, что изданія эти составляютъ библиографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ и въ нашей публичной библиотекѣ, обладающей значительнымъ количествомъ произведеній европейской печати пятнадцатаго вѣка и между прочимъ 1493 и 1498

¹⁷⁾ Benfey: *Pantschantra*. I, 394—397.

¹⁸⁾ Тамъ же. I, 402—403.

¹⁹⁾ *Histoire poétique de Charlemange* par Gaston. Paris. 1865. стр. 353—356. — *Gesamtabenteuer*, herausgegeben von Fr. H. von der Hagen. 1850, II, 637—641.

²⁰⁾ *Panzer's Annalen der ältern deutschen Literatur*. Nürnberg. 1788. I, 207. (es ist dasselbe in IX gesetz abgetheilt und vermutlich von einem alten meistersänger vorfertigt worden).

Lehrbuch einer literärgeschichte der berühmtesten völker des mittelalters, von Grasse. 1842. 3 abtheilung, 1-e hälfte, s. 302—303.

годовъ. Не только самый текстъ, но и подробное изложеніе его въ статьѣ Доцена, вышедшей въ 1811 году, стало уже рѣдкостью, такъ что Бенфей приводитъ содержаніе пѣсни по извлеченію изъ Доцена, сдѣланному Зимрокомъ въ извѣстномъ трудѣ его объ источникахъ Шекспира. Другіе ученые также ограничиваются пересказомъ Зимрока, выражая сожалѣніе о невозможности пользоваться статьею Доцена. Поэтому приводимъ вполнѣ важную для нашей цѣли пѣсню въ томъ видѣ, какъ изложена она у Доцена ²¹⁾.

— Купецъ, которому счастье помогло нажить значительное богатство, умирая оставилъ все состояніе своему единственному сыну. О воспитаніи его отецъ приложилъ много заботы, и пѣсня восхваляетъ цвѣтущаго и веселаго духомъ, превозносящагося надъ другими, юношу — *der jung war frisch und wohlgemut und brach sich da für andre seines gleichen*. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сынъ бросился въ шумныя удовольствія; состоянія едва хватило ему на годъ, и онъ увидѣлъ передъ собою нужду и бѣдность. Для собственнаго спасенія онъ рѣшается попытать счастья въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется къ богатому жиду занять у него тысячу гульденовъ, которые скоро и получаетъ, обѣщая жиду въ случаѣ, если не возвратитъ суммы къ назначенному сроку, фунтъ своего мяса — *ein pfund schmer's aus seinem leibe*. Онъ уѣзжаетъ въ чужую сторону; тамъ ему повезло, и скопивши три или четыре тысячи гульденовъ, онъ спѣшитъ уплатить долгъ къ назначенному времени. Но жидъ не застаетъ на мѣстѣ жительства, и только на третій день находитъ его въ другомъ городѣ, приѣхавши туда по своимъ дѣламъ. Жидъ утверждаетъ, что контрактъ нарушенъ, срокъ пропущенъ, и потому онъ имѣетъ право получить неустойку. Напрасны всѣ оправданія; купецъ вынужденъ отправиться съ жидомъ къ импе-

²¹⁾ Museum für alsdeutsche literatur und kunst, herausgegeben von dr. F. H. v. d. Hagen, B. J. Docen, dr. J. G. Büsching und B. Hundeshagen. 1811. Zweiter Band.: Docen: Etwas über die quellen des Shakspeare'schen schauspiel. Nebst einer altdeutschen erzählung: Kaiser Karls Recht. s. 279—283.

ратору, чтобы онъ разсудилъ ихъ по справедливости. Императоромъ былъ тогда Карлъ: имя его извѣстно было далеко, и бѣдниковъ и богачей судилъ онъ одинаково правдиво²²⁾. Со страхомъ идетъ купецъ къ замку императора, боясь, что судья не допустить отступленія отъ буквального смысла контракта. На пути онъ заснулъ отъ утомленія и не замѣтилъ какъ лошадь его раздавила ребенка, неосторожно бѣжавшаго на дорогѣ. Отецъ ребенка бросается за нимъ и обзываетъ его убійцею, но жидъ удерживаетъ его отъ насилія и предлагаетъ отправиться вмѣстѣ къ двору императора, чтобы получить удовлетвореніе. Когда прибыли они, всѣ трое, императоръ былъ въ отсутствіи. Купца держали подъ строгимъ присмотромъ, но съ нимъ приключилась новая бѣда: заснувши слишкомъ близко отъ окна онъ свалился за окно и спасся только тѣмъ, что попалъ на сидѣвшаго на скамьѣ подъ окномъ стараго рыцаря, котораго и убилъ своимъ паденіемъ. Узнавши объ этомъ, юный сынъ рыцаря бросился на купца и закололъ бы его, если бы жидъ не остановилъ его и не объяснилъ, что первую казнь несчастный долженъ вытерпѣть отъ него. — Между тѣмъ императоръ приказываетъ снарядить судъ и привести стороны. Прежде всего—жалоба жиды, которую купецъ не отрицаетъ, говоря однакоже, что онъ пришелъ въ срокъ, но не нашелъ „собакъ“ на мѣстѣ жительства. На это императоръ постановляетъ: купецъ подлежитъ наказанію, и жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ его тѣла условленный фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; если же онъ опибется хотя на одинъ гранъ, то ему угрожаетъ смерть. Услышавъ такой приговоръ, и видя что дѣло проиграно, жидъ объявилъ, что онъ даритъ противнику все и къ тысячѣ гульденовъ прибавляетъ еще двѣсти гульденовъ. Затѣмъ очередь пришла къ тому, чье дитя задавлено. Онъ обвиняетъ купца въ смертоубійствѣ; купецъ признаетъ фактъ, но утверждаетъ, что это произошло не предна-

²²⁾ Подъ именемъ Карла здѣсь надо понимать, безъ сомнѣнія, Карла Великаго, хотя происшествіе, лежащее въ основѣ, скорѣе могло бы быть отнесено ко временамъ Карла IV, ибо древнѣйшія саги не восходятъ ранѣе XIV вѣка (примѣчаніе Доцена).

мѣренно. Императоръ уговариваетъ истца удовольствоваться денежною пенею: вѣдь новая смерть дѣлу не поможетъ и его дитяти не оживитъ. Но все напрасно: истецъ настаиваетъ на смерти своего противника. На это послѣдовалъ такой приговоръ императора: „положи его съ твоей женою, чтобъ онъ сдѣлалъ ей другаго ребенка“.—„Ну его и съ ребенкомъ“, сказалъ истецъ—

leg ihn zu deinem weibe,
dass er ein ander kind ihr mach'
nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Судья утѣшаетъ его, говоря, что во имя Бога надо простить то, что случилось неумышленно. — Наконецъ является сынъ убитаго рыцаря и требуетъ у императора суда надъ убійцею. Безъ дальнихъ околичностей судья произноситъ свой приговоръ, по которому для того, чтобъ вполне отомстить за отца, предоставляется сыну броситься изъ окна на отвѣтника, котораго посадятъ внизу на скамѣ, и убить его своимъ паденіемъ. Но молодой рыцарь, боясь промахнуться, находитъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ иска—*mir nicht, ich möcht daneben fallen.* Такимъ образомъ купецъ отдѣлался счастливо отъ всѣхъ преслѣдованій, возблагодарилъ императора, радостно отправился восвояси и сталъ тамъ весело жить да поживать. Въ заключеніе разсказа снова восхваляются судьи, соединяющіе съ милосердіемъ справедливость и укрѣпляемые Господомъ въ славѣ и чести своей — *die mit erbarmung mischen das recht:*

und die das thun, der'ehre will Gott stärken. —

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что нѣкоторыя черты русской повѣсти встрѣчаются и въ сказаніяхъ другихъ народовъ, и если сравнить эти сказанія между собою во всемъ ихъ объемѣ, то окажется, что одни черты иногда замѣняются другими. Такая замѣна объясняется постепеннымъ наслоеніемъ сказанія, въ которое вносились различныя подробности, казавшіяся въ то или другое время, въ той или другой мѣстности, болѣе важными и занимательными. При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными

бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно—условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника. Этотъ эпизодъ, повторяясь во многихъ легендахъ, получилъ громкую извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ благодаря Венеціанскому купцу Шекспира.

Высказано было нѣсколько соображеній объ источникѣ преданія о такомъ возмутительномъ и безчеловѣчномъ требованіи. Одни указываютъ на законы двѣнадцати таблицъ, другіе—на буддійскія легенды и преданія, и т. д.

По свидѣтельству Авла Геллія, римскіе законы дозволяли несостоятельнаго должника заковать въ желѣза, держать его въ заключеніи шестьдесятъ дней и наконецъ подвергнуть смертной казни; если онъ долженъ былъ многимъ, то займодавецъ имѣлъ право разсѣкать его на части ²³⁾. Квинтилианъ говоритъ: есть вещи сами по себѣ предосудительныя, но тѣмъ не менѣе дозволяемыя закономъ—таково постановленіе двѣнадцати таблицъ, дозволяющее займодавцамъ дѣлить между собою разрубленное на части тѣло должника ²⁴⁾.

Бенфей возводитъ къ буддійскому источнику всѣ преданія о кровавыхъ казняхъ — о вырѣзываніи мяса, объ искалѣчиваніи и увѣчьяхъ, и т. п., и объясняетъ эти жестокости господствующими въ буддійскомъ мірѣ идеями о самопожертвованіи, доведенномъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Буддійскія легенды говорятъ о принесеніи себя въ жертву подъ видомъ оленя или рыбы; объ отдачѣ своихъ глазъ слѣпому нищему; о готовности отдавать себя на сѣденіе по частямъ. Какой-то царь—гласитъ легенда—долженъ былъ спастись бѣгствомъ съ женою своею и сыномъ; онъ взялъ съ собою необходимый запасъ пищи; по несчастью путники сбиваются съ дороги, имъ приходится странствовать гораздо бо-

²³⁾ Auli Gellii Noctes Atticae. Lib. XX, cap. I. 45—50.

²⁴⁾ M. Fabii Quintilianii Oratoriae institutionis lib. III, cap. VII: . . . sunt enim quaedam non laudabilia natura, sed jure concessa, ut in XII tabulis debitoris corpus inter creditores dividi licuit, quam legem mos publicus repudiavit . . .

лѣе нежели предполагалось, и весь взятый запасъ истощается. Тогда сынъ предлагаетъ родителямъ питаться его тѣломъ, вырѣзывая изъ него мясо кусокъ за кускомъ, потому что если бы вдругъ убить его, то мясо скоро бы испортилось отъ сильнаго зноя. Родители принимаютъ предложеніе сына и дѣлятъ между собою куски его мяса ²⁵⁾.

Въ старинной русской литературѣ извѣстна была легенда о вырѣзываніи жидомъ человѣческаго мяса; о ней упоминается у одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей семнадцатаго столѣтія—Іоанникія Галаятовскаго († 1688). Въ сочиненіи своемъ: „Мессія правдивый“, въ которомъ собрано много средневѣковыхъ обвиненій, направленныхъ противъ евреевъ, Галаятовскій говоритъ: „въ Константинополѣ жидъ христіанинови убогому певную злота сумму позичилъ, жебы назначеного часу и долгъ и мѣсто лихвы двѣ унціи тѣла своего отдалъ жидови. Христіанинъ долгъ ему отдалъ, лихвы такой не хотѣлъ дати. Довѣдавшись о томъ Солиманъ цесарь турецкій казалъ бритву принести и до жиды мовилъ: чини ведлугъ права твоего—з котороиколвекъ части хочешь тѣло вырѣжь, а нѣ больше, а нѣ меньше надъ двѣ унціи, бо если ся помилишь, смертю будешь каранный. Жидъ, смертю припугнутый будучи, зискъ отпустилъ христіанинови“ ²⁶⁾. Нашъ авторъ опредѣленно указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свое извѣстіе о константинопольскомъ жидѣ: „Егѣдый Коррозетъ о мовахъ и учинкахъ памяти годныхъ пишеть“. Французскій писатель Егидій Коррозетъ, Gilles Corrozet (1510—1568) парижскій типографъ, самоучка ученый, написалъ много сочиненій, и въ числѣ ихъ *Les divers propos mémorables des nobles et illustres homes de la chrestienté*. Paris. 1556, выдержавшее нѣсколько изданій ²⁷⁾.

Опуская нѣкоторыя черты изъ цикла сказаній о судахъ, русская повѣсть удерживала другія, разнообразя ихъ по своему.

²⁵⁾ Benfey: *Pantschatantra*. I, 389—391.

²⁶⁾ Мессія правдивый.... Іоанникія Галаятовскаго архимандрита Черняговскаго. Рокъ 1669, л. 391.

²⁷⁾ *Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique*, par Grasse. 1861. T. II, p. 275—276.

Занимательность сюжета способствовала его популярности. Русские читатели, переписчики и пересказчики легко усваивали себѣ пришедшее къ нимъ изъ чужа, добавляя его новыми „подробностями“ и давая отчасти новый колоритъ. Изъ предложенныхъ фактовъ оказывается, что приговоры Шемяки — прижить ребенка съ женою истца и упасть на сына убитого — встрѣчаются въ сказаніяхъ тибетскомъ, индійскомъ и нѣмецкомъ. Въ польской юмористической литературѣ извѣстенъ также рассказъ о каменщикѣ, который упалъ съ высокой башни и убилъ сидѣвшаго внизу человека, а будучи позванъ въ судъ сказалъ истцу: взойди туда, откуда я упалъ, а я сяду тамъ, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, — бросайся внизъ и убей меня до смерти ²⁸⁾. Этотъ рассказъ помѣщенъ въ польской передѣлкѣ походовъ нѣмецкаго народного шута: *Eulenspiegel* — по польски *sowi-zrzał* (зеркало) обратился по забавной этимологіи, основанной на созвучіи, въ совѣст-драгъ. Тотъ же рассказъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ юмористическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *vademesum* ²⁹⁾. Эти сборники не чужды были и нашей литературѣ: въ концѣ прошлаго столѣтія переведенъ съ нѣмецкаго для увеселенія больныхъ *вадемекумъ*, въ которомъ рассказывается, какъ взятый русскими въ плѣнъ въ сраженіи при Вильнѣ въ 1658 году больной фельдмаршалъ говорилъ съ врачомъ итальянцемъ о кремортартари, а стража думала, что они толкуютъ о враждебныхъ Россіи крымскихъ татарахъ, и т. п. ³⁰⁾.

Показыванье камня судьѣ не составляетъ исключительной особенности русской сказки: г. Тихонравовъ приводитъ поразительно сходную, по тону и мотиву, черту изъ польскаго писателя шестнадцатаго вѣка Рея изъ Нагловицъ. У подсудимаго — говорить Рей — лежалъ за пазухой камень, а судья принялъ его за

²⁸⁾ Походженіе хитраго и забавнаго шута Совѣст-драга большаго носа, Переведенное съ польскаго и дополненное съ другихъ языковъ. 1793. Ч. II, стр. 173—174. — Статья г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 36—37.

²⁹⁾ *Museum für altdeutsche literatur und kunst*. II, 283.

³⁰⁾ Медицинскій *вадемекумъ* или собесѣдникъ, служащій забавою врачамъ и отрадою больнымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. 1799.

мѣшокъ съ деньгами (worek) и рѣшилъ дѣло въ пользу подсудимаго, который объяснилъ ему, что этотъ камень полетѣлъ бы ему въ лобъ, еслибы онъ рѣшилъ дѣло несправедливо ³¹⁾. По замѣчанію Снегирева появленіе камня въ Судѣ Шемяки напоминаетъ старинную пословицу: «съ подъячимъ водись, а камень за пазухой держи ³²⁾». Эта пословица еще болѣе сближаетъ русскій рассказъ съ польскимъ народнымъ, переложеннымъ въ стихи Реємъ изъ Нагловицъ.

Подкупъ судей, ихъ корыстолюбіе и взяточничество составляютъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ сатирическихъ произведеній западно-европейской литературы ³³⁾, откуда весьма многое

³¹⁾ Дѣтописи русской литературы и древности. Книжка пятая. Г. Тихонова: Шемякинъ Судъ, стр. 37.

³²⁾ Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сочиненіе Ив. Снегирева. 1861, стр. 59.

³³⁾ Изъ множества подобныхъ юмористическихъ рассказовъ выбираемъ два, изъ которыхъ одинъ находится во французскихъ фацеціяхъ, а другой — въ польскихъ.

De la subtile invention dont s'advisa promptement un procureur du roy aux eaux et forests pour sauver un accusé en danger d'estre pendu.

Un certain procureur du roy un jour en son auditoire crioit et s'eschauffoit fort contre un pauvre compagnon appelé Vento accusé d'avoir tué plusieurs cerfs et biches aux forestz du roy, crime lors capital, auquel temps aussi les proces criminels se jugeoient à huis ouverts et en pleine audience en presence de l'accusé et disoient les advocats leurs opinions de vive voix n'y ayant point encore de conseillers en la plus part des sieges royaux. Comme donc le juge prenoit les opinions, Vento, ayant les fers aux pieds, regardoit tantost l'un tantost l'autre à mesure qu'il opinoit, et voyant que son cas alloit de mal en pis et la plus part etoit d'avis que l'ordonnance fust gardée et luy en se faisant pendu et étranglé, qui pis est. Le procureur du roy harranguant aussi magistralement et concluant formellement à la mort s'advise de demander qu'il luy fust permis de dire un mot en l'oreille du procureur du roy; ce que luy estant permis, mit subtilement et sans qu'on s'en apperceust en la main gauche du procureur un anneau de la valeur d'environ dix escus luy disant seulement en l'oreille qu'il eust pitié de luy et ne le poursuivist si rigoureusement. Ce qui mortifia et abbatit tellement les paroles de ce criant qu'à l'instant renuerça son plaidoié et tout ce qu'il avoit dit auparavant; s'escriant, Ha Vento! puisse tu devenir biche. Messieurs, voyez je vous prie le danger où il mettoit nos consciences; il me vient de dire qu'il est clerc et tonsuré, je ne peux empescher qu'il ne soit renvoyé à son évesque. Le juge et les advocats furent bien esbahis d'un si soudain changement et d'une si prompte et dextrement inventée menterie et-eschapatoire moyennant laquelle Vento fut renvoyé en la cour

перешло и въ польскую литературу съ различными видоизмѣненіями, зависѣвшими отчасти отъ личныхъ цѣлей писателей, отчасти отъ условій народнаго быта ²⁴⁾. Въ польскихъ фавеляхъ судьи являются въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выставлены они въ слѣдующемъ разсказѣ, сохранившемся какъ въ подлинникѣ, такъ и въ старинномъ русскомъ переводѣ:

O sedzim co go dway darowali.

Wiedli prawo czas niemały dway szlachcicow. Jeden ktory sprawiedliwsza miał aby mógł mieć przedszo odprawę darował sedziem wielki rydwan. Adwersarz jego obaczywszy to, darował sedziem pare koni dobrych. Rospierał sie prawem wskazał sedzia za onym co mu konie darowi. On co rydwan dał rzecze sedziem: p. sedzia zlescie moy rydwan nakierowali. Rzecze sedzia: nie dziwny sie konie go nakierowały jako konie ci-

O судіахъ и о'мздопримстехъ.

Предъ судіею нѣкоимъ пригѣжаша о нѣкое правдоуочесныхъ людей время не мало. И единъ уповая получить себѣ яко правѣ ему бѣ, но дабы скорѣйшую отправу возымѣти, дарова судіи великій и дивный рыдванъ. Соперникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдавъ сіе, дарова судіи великихъ и дивныхъ возниковъ. По семъ предъ судіею препирающесе положеніемъ закона, судіи присуди и подутверти да

d'Eglise où depuis qu'un accusé est renvoyé il en sorte tousiours la viesauve eust-il mangé une charrette ferrée, vray est que sa bource y demeure vide le plus souvent. (Les joyeusetes facies et folastres imaginacions etc. 1829. Faciesieux devis et plaisans contes par le Sr. Moulinet comedien. p. 16—18.

²⁴⁾ Faciesyae polskie abo żartowne a trefne powiesci biesiadne tak z rozmaitych autorow, jako tez y z powiesci ludzkiej zebrane.—Экземпляръ (безъ конца) Публичной Библіотеки; печат. нѣмецкимъ шрифтомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

O raycy lakomym.

Do radziec w jednym mieście przyszedł mieszczanin prosiac aby mu plac wymierzono na mieyskim gruncie. Przyzwola wszyscy. Tylko jeden, ktory był principał między nimi, był przeciwko temu, tak iż onego dnia nic konkludować nie mogli. Nazajutrz on mieszczenin szedł do onego rayce na pokoy, przyniósł mu dziesięć talerow, aby przeciwko temu nie był, a swoje votum dał za nim. Wziął chętnie. Gdy ta rzecz zaś przedradę przyszła, on pan rayca, co peniadze wziął, począł od nego rzecz prawic i prosić aby iako sie onegdaj zezwolilo plac temu mieszczaninowi wymierzyć. Rayce sie dziwila co mu se stalo, a mieszczanin obrociwszy sie do sasiadow rzecze: patrzcie jako brzeczka moje talery. Dobrze on poeta napisał:

Munera crede mihi placant hominesque deosque,
Placatur donis Juppiter ipse datis.

Polacy tak mowia :

Błagaia Boga szluszne ofiary
U ludzi zasie przyjemne dary.

agnely, tak rydwan musiał iść. Pozpolita przyrpowiesc: kto lepiej pasmaguie tomu nie skłzupi. Pane sedzia, Pomni na mary, Nie sodz za dary ³⁵⁾.

ровавшему возники. Онѣй же неправедно обвиненный узрѣ ѣдуща судію въ рыдванѣ своемъ на оныхъ врази-кахъ рече: господине, како толико неправедно одержалъ еси мой сій рыдванъ. И рече судія: не вѣмъ како, то-чю сильные возники увезоша, поелику тянуша толико и упредиша.

Общая приповѣсть: кто больши ма-жетъ, тотъ не срыпнѣть; но о судіи, помните на мары, не судите за дары ³⁶⁾.

Въ одномъ изъ сборниковъ конца XVII или начала XVIII вѣка тотъ же сюжетъ передается въ стихахъ съ нѣскольکو измѣ-ненными подробностями ³⁷⁾.

Судія вѣкто дароимецъ бѣше.
Отъ прю имущихъ дары воспріае :
Сосудъ елей взя отъ единаго,
А вепря тучна пріа отъ другаго,
И сего судомъ своимъ оправдалъ есть,
Онаго паки винна сотвориалъ есть.
Пришедшу же въ домъ иже елей далъ есть,
Судія кривыи сице отвѣщалъ есть:
Прости ми, рече, забыхъ благодати,
Яко ты елей изволи ми дати:
Вина же тому вепрь питанныи бѣше,
Иже вшедъ въ домъ мой елей проліае.
Оле судіи! ниже усражися,
Яко отъ правды вепромъ отлучися.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заклю-чается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ крив-ды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ наро-довъ судья дѣйствуетъ какъ представитель правды. Шемьяка по-ступаетъ своекорыстно въ надеждѣ получить взятку, а между-тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справе-

³⁵⁾ Fasesuae polskie—названный въ примѣчаніи 34-мъ экземпляръ Публич-ной Библіотеки.

³⁶⁾ Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 12.

³⁷⁾ Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 41.

дливости, какъ Соломонъ или Карлъ Великій. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической — рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у нея снова вырастетъ хвостъ. Камень также является здѣсь какъ орудіе мести неправедному судѣ.

Въ высшей степени любопытную и разнообразную массу легендъ и преданій, переходившихъ у семитовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляютъ памятники еврейской литературы, отличающіеся болѣе или менѣе апокрифическимъ характеромъ. Таковы преимущественно: Вавилонскій Талмудъ ³⁸⁾ и *Sepher Hajaschar*, т. е. Книга Праведнаго ³⁹⁾ — романъ, составленный, по всей вѣроятности, испанскимъ евреемъ въ двѣнадцатомъ или

³⁸⁾ О Талмудѣ см. *Geschichte der Juden*, von E. Graetz. 1853. B. IV, s. 474—478. — Д. А. Хвольсона: О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ, противъ евреевъ. 1861, стр. 54—55, — и мн. др.

³⁹⁾ Такое названіе заимствовано изъ книги Иисуса Навина для приданія произведенію большей важности. О «книгѣ праведнаго» упоминается въ книгѣ Иисуса Навина (X, 13) въ славянскомъ и латинскомъ переводѣ, но въ греческомъ текстѣ этого мѣста нѣтъ. Въ изданіи Тишендорфа (*Vetus testamentum juxta LXX interpretes*. 1850. I, стр. 260): καὶ ἔστη ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη ἐν στάσι· ἕως ἡμῶν τοῦ ἡὸς τοῦ ἐχθροῦ αὐτῶν. καὶ ἔστη ὁ ἥλιος κατὰ μέσον τοῦ οὐρανοῦ, οὐ προσπορεύετο εἰς δυσμὰς εἰς τέλος ἡμέρας μιᾶς. — Въ славянской библии: И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ, не сіе ли естъ писано въ книжѣ праведнаго; и ста солнце посредѣ небесе, и не идяше на западъ въ совершение дне единого. — Въ латинской библии: Substitit ergo sol, et luna stetit, donec vindicata esset gens israelitica ab hostibus suis, nonne hoc scriptum est in libro recti? (по друг. изд.: in libro justorum) stabat autem sol in medio coelo, neque festinabat ad occasum, quasi diem integrum. — Понѣмецки переводится: *das buch der redlichen*. — Въ русскомъ переводѣ Библии: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не это ли написано въ книгѣ Праведнаго: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». (Переводъ, изд. въ 1869 году св. Синодомъ, а равно и переводъ Павскаго).

тринадцатомъ вѣкѣ изъ древнихъ сагъ, перемѣшанныхъ съ историческими сказаніями ⁴⁰⁾. Въ Вавилонскомъ Талмудѣ и въ Книгѣ Праведнаго находится подробное изображеніе содомскихъ судей, раздражившихъ небо своею кривдою, обратившеюся имъ же въ погибель. По свидѣтельству народныхъ легендъ характеръ, дѣйствія и приговоры судей были въ такомъ родѣ:

— Четыре судьи были въ Содомѣ: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-дина (Кривосудъ). Если кто прибѣтъ беременную женщину и она вслѣдствіе этого выкинетъ, то судьи приказывали мужу обиженной отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беременною. Отсѣкалъ ли кто-нибудь ухо у чужаго осла, судьи повелѣвали отдавать осла въ распоряженіе обидчика пока снова вырастетъ ухо у осла ⁴¹⁾.

— Когда приходилъ въ Содомъ нищій, жители не давали ему хлѣба, но каждый приносилъ ему по золотой или серебряной монетѣ, на которой выставлялъ свое имя; бѣдняга умиралъ съ голода, и каждый получалъ обратно свой динаръ ⁴²⁾. Содомляне, по повелѣнію своихъ судей, устроили на улицахъ кровати, и какъ только въ городѣ показывался чужестранецъ, они хватали его, тащили къ кровати и насильно клали его на кровать; трое становились у изголовья и трое у ногъ: если онъ былъ короче кровати, его растягивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крикъ; если же онъ былъ длиннѣе кровати, то его стягивали, и такимъ образомъ замучивали пришельцевъ до смерти.

— Дочь Лота, исполняясь жалости къ обреченному на голодную смерть пришельцу, тайно давала ему хлѣбъ, скрывая куски

⁴⁰⁾ Zunz: Die gottesdienstlichen vorträge der juden, historisch entwickelt. 1892, стр. 154—156,

⁴¹⁾ Вавилонскій Талмудъ, трактатъ Синедрионъ, л. 109. — Съ признательностью упоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ при ознакомленіи съ памятниками еврейской литературы профессоромъ Хвольсономъ, а также и гг. Саломономъ Манделькерномъ и Іоною Гурляндомъ, принявшими на себя трудъ перевести съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ нѣкоторыя мѣста изъ Талмуда и книги Hajaschar.

⁴²⁾ Вавил. Талмудъ, л. 109.

хлѣба въ купшинѣ, съ которымъ ходила по воду. Когда это обнаружилось, судьи сожгли ее на кострѣ. — Другая дѣвушка накормила и напоила пришельца, и за это приговорена была къ мучительной смерти: судьи приказали обмазать ее мѣдомъ и поставить передъ ульемъ пона пчелы не заѣдятъ ее.

— Какой-то путникъ прибылъ въ Содомъ, и одинъ изъ жителей пригласилъ его провести у него нѣсколько дней, и взялъ на сохраненіе коверъ и веревки, которыми व्यокъ привязанъ былъ къ ослу. Передъ отъѣздомъ гость обращается съ просьбою возвратитъ его вещи, но содомлянинъ сталъ увѣрять, что это — сонъ: длинныя веревки означаютъ долгую жизнь, а пестрый коверъ — виноградникъ съ различными плодоносными деревьями, и требовалъ трехъ сребренниковъ за истолкованіе сна. Судья нашелъ требованіе снотолкователя вполне справедливымъ ⁴³).

— Прибѣтъ ли одинъ другаго до крови, судьи присуждали заплатить обидчику за кровопусканіе. Переѣзжающій рѣку на паромѣ долженъ былъ платить четыре зуза (злота). Однажды прибылъ въ Содомъ прачечникъ, и содомляне стали у него требовать четыре зуза; но онъ объяснилъ, что перешелъ рѣку въ бродѣ: за это избили его до крови. Бѣдняга пошелъ жаловаться въ судъ, и судья приказалъ ему заплатить восемь зузовъ да сверхъ того за кровопусканье ⁴⁴).

— Однажды Сара послала своего вѣрнаго слугу Лазаря (Эліезера) освѣдомиться о здоровьи ея родственника Лота. Пришедши въ Содомъ, Лазарь увидѣлъ, какъ одинъ содомецъ боролся съ какимъ-то иногородцемъ и сорвалъ съ него платье. Обиженный жаловался Лазарю, и Лазарь обратился къ содомцу съ вопросомъ: «отчего вы такъ обходитесь съ бѣднымъ пришельцемъ?» Сodomецъ на это отвѣчаетъ: «развѣ братъ онъ тебѣ или содомцы поставили тебя судьей, что ты вступишься за незна-

⁴³) Книга Гайашаръ, отдѣлъ Вайера.

⁴⁴) Вавил. Талмудъ, л. 109.

компа?» Лазарь продолжалъ спорить съ своимъ наглымъ противникомъ, и рѣшился отнять у него силою платье бѣдняка. Тогда содомецъ схватилъ камень и швырнулъ его Лазарю въ лобъ такъ, что кровь брызнула и полилась струей. Увидѣвши это, содомецъ вцѣпился въ Лазаря и сказалъ: «изволь-ка заплатить мнѣ за то, что я пустилъ тебѣ кровь — таковъ у насъ законъ!» Лазарь вскричалъ: «изранилъ меня, и требуешь еще платы!» Но содомецъ потащилъ окровавленнаго Лазаря къ судѣ Шакру (Обману) и говоритъ судѣ: «я пустилъ ему кровь, а онъ теперь отнѣкивается и не хочетъ заплатить». Судья сказалъ отвѣтчику: «правду говоритъ истецъ, — спѣши удовлетворить его требованію согласно съ нашимъ закономъ». Услышавъ такой приговоръ, Лазарь взялъ камень и пустилъ его прямо въ лобъ судѣ, прибавивъ: «посмотри-ка, Шакра, вотъ и я пустилъ тебѣ кровь въ изобиліи; по твоему же рѣшенію, и ты въ свою очередь долженъ вознаградить меня за трудъ: и такъ, изволь-ка заплатить мой долгъ моему истцу». Сказалъ и — былъ таковъ⁴⁵⁾.

По семитическимъ преданіямъ, кривой судъ содомлянъ составляетъ діаметральную противоположность съ мудрыми и правдивыми рѣшеніями Соломона. Такая же противоположность является, по замѣчанію Снегирева, между распространенными у насъ апокрифическими сказаніями о судахъ Соломона и судомъ Шемяки. Снегиревъ сопоставляетъ два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ изображенъ судъ Соломона, въ другомъ — судъ Шемяки. Къ изображенію Соломонова суда на весьма рѣдкой картинѣ, гравированной въ Москвѣ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, присоединенъ текстъ, поясняющій, что по жалобѣ вельможи, давшему въ займы нищему во снѣ сто рублей, Соломонъ велѣлъ повѣсить эти деньги надъ колодеземъ, и тѣнь отъ нихъ, взявъ вельможѣ. Рѣзкую противоположность мудрому и правдивому суду Соломона составляетъ кривой судъ Шемякинъ, усвоенный нашею лубочною литературою⁴⁶⁾.

⁴⁵⁾ Книга Гайашаръ, отд. Вайера.

⁴⁶⁾ Снегирева: Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 58—59.

Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ серьезное, облачающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ суждѣхъ отѣняется сатирою, проглядывающею въ поступкѣ Лазаря съ судьей, такъ и въ русской повѣсти серьезное переищивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти, должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто-русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры. Судья называется обычнымъ эпитетомъ своимъ: «праведный» — ѣдутъ къ праведному судѣ, сталъ судить праведный судъ, и т. п. Въ рукописяхъ читается: «слава Богу великому, яко судихъ судъ по правдѣ, и т. д.

Главное дѣйствующее лицо въ Шемякиномъ Судѣ — честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также «переключалъ» богатаго брата и всѣхъ своихъ враговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ ⁴⁷⁾.

Въ составѣ русской повѣсти слышится нѣсколько мотивовъ: любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдою, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе древнемъ слогѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача брата и сохранившаго жизнь его сына. Въмѣсто благодарности жестокой богачъ требуетъ казни несчастнаго. Тотъ же бѣднякъ изъ состраданія бросается вытаскивать изъ сугроба чужую лошадь, и силясь вытащить ее отрываетъ у нея хвостъ: за это также обвиняютъ его передъ судомъ. Что же оставалось дѣлать эпическому правдивому судѣ, какъ не спасти несчастнаго, являющагося жертвою своей доброты? Изобрѣтательный судья придумываетъ рѣшеніе, избавляющее ни въ чемъ въ сущности не-

⁴⁷⁾ Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ VI, стр. 77—87 и др.

повиннаго бѣдняка отъ нравственно незаслуженной казни. Дѣйствія судьи въ этомъ случаѣ вполне соответствуютъ голосу народа: «бѣднаго убить — не спасенье нажить; виноватаго кровь — вода, а невиннаго — бѣда» и т. п. Всѣ рѣшенія судьи ведутъ къ тому, чтобы не дать бѣдовика въ руки людей корыстныхъ и жестокихъ. Весь смыслъ легендарныхъ приговоровъ заключается именно въ томъ, что они произносятся надъ человѣкомъ нравственно невиннымъ, ибо онъ обвиняется въ томъ, что совершенно имъ не только безъ всякаго злаго умысла, а напротивъ съ цѣлю благою и доброю, изъ любви къ ближнему. Отчасти онъ является безсознательною жертвою преслѣдующей его бѣды: бѣда шла на него и бѣдой погоняла... Пословицы говорятъ: невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ; грѣхъ да бѣда на кого не живетъ; нужда законъ измѣняетъ; *noth hat kein gebot*; *nécessité n'a point de loi*; *unrecht ist auch recht*, и т. д. Убѣжденіе въ нравственной правдѣ суда, спасающаго несчастнаго хотя бы и вопреки юридической правильности, усвоено народною словесностью. Въ силу этого убѣжденія приговоры подобные Шемякинымъ приписываются: на востокѣ — царямъ и судьямъ «мудрымъ, святымъ, прекраснымъ», а на западѣ — Карлу Великому, слывшему въ средніе вѣка правдивѣйшимъ изъ правдивѣйшихъ судей, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ.

При дальнѣйшемъ развитіи легенды эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ — началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и правдивый судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей несчастье, превратился въ судью неправеднаго — кривосуда и взяточника. Время и мѣсто измѣненія мотива такъ же трудно опредѣлить съ точностью, какъ и время и мѣсто первоначальнаго образованія сюжета. Существованіе подобныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ польской, западно-европейскихъ и семитическихъ литературъ не позволяетъ видѣть, подобно Бенфею, въ подкупѣ судьи исключительно рус-

скій мотивъ. Гриммъ, указывая въ сказкахъ чисто-русскія особенности, какъ напримѣръ олицетвореніе кручины и т. п., не отмѣтилъ ни одной такого рода особенности въ Шемякинѣ Судѣ, извѣстномъ ему по тексту лубочныхъ картинъ. Строго говоря, въ повѣсти о судѣ Шемяки собственно русскаго — не ея характеръ, общее содержаніе и мотивъ, а многія подробности, взятія изъ русскаго быта. Горемыка, закабалившій себя за двѣ мѣры ржи; занесенная снѣгомъ дорога съ сугробами, изъ которыхъ вытаскиваютъ проѣзжихъ; нежеланіе отдать дитя въ чужую семью ни за какія деньги; рожденіе вымоленного ребенка; заронъ взять въ кумовья; раздумье о томъ, что хоженова дать нечего, что голова давно смѣчена и не быть живому при тогдашнихъ судебныхъ порядкахъ, и т. д., и т. д. — все это внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками. Самое появленіе попа въ числѣ истцовъ и приговоръ объ отнятіи у него попады находится въ связи съ тѣмъ, что потеря жены особенно чувствительна для русскаго попа, неимѣющаго права вступать во второй бракъ. Русскій обликъ повѣсти скрѣпляется чисто-русскимъ именемъ судьи — Шемяки. Нѣтъ сомнѣнія что имя это внесено въ повѣсть уже сложившуюся, и невозможно допустить, чтобы она написана была по поводу дѣйствій Шемяки. Въ народной словесности вообще замѣтно стремленіе замѣнять безыменные лица какими либо именами, какъ это встрѣчается во многихъ апокрифахъ и т. п. Впечатлѣніе, произведенное на москвичей Шемякою и его сподвижниками, содѣйствовало тому, что неправедный судья названъ именемъ Шемяки. По свидѣтельству хронографа, отъ временъ Шемяки «въ Велицѣй Руси на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*». Приводя это мѣсто Карамзинъ говоритъ: «не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василю, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народнѣйшій пословицѣ о судѣ *Шемякинѣ*».

донынѣ употребительной ⁴⁸⁾». Происхожденіе этой пословицы профессор Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положеніе Шемяки—говоритъ онъ—«въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василя, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примыплять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ приобрести расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступить отъ своихъ приобретений... Обязанный уступать требованіямъ князей союзниковъ въ ущербъ силѣ московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему нерасположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на *судѣ Шемякинѣ*, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго ⁴⁹⁾».

Нѣкоторыя черты повѣсти, кажущіяся въ наше время чисто-сатирическими, представлялись въ нѣсколько иномъ свѣтѣ стариннымъ читателямъ и въ особенности слушателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ нѣсколькими вѣками. По крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшеній Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Кошкина, подтверждаемому законодательными памят-

⁴⁸⁾ Исторія государства російскаго. 1842. Т. V, стр. 188, г. 1146, прим. 338

⁴⁹⁾ Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1854. Т. IV, стр. 75—76.—К. Н. Бестужева-Рюмина Русская исторія. 1872. Т. I, 414: «въ Москвѣ не любили Шемяку, и преданіе о неправильномъ судѣ Шемякѣ сохранилось до сихъ поръ: С. М. Соловьевъ очень вѣроятно объясняетъ это преданіе тѣмъ, что галицкіе бояре давили москвичей».

никами, несостоятельный должникъ отдаваемъ былъ въ слуги заимодавцу, и если «господинъ тому человѣку учинить наругательство, съ сердца переломить руку или ногу, или глазъ выколетъ, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ: и ему противъ того жъ будетъ указъ учиненъ самому — рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ тогожъ. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умереть, и того господина самого казнить смертію, и т. д.⁵⁰⁾. За убійство казнили смертію; за поджогъ — сожигали виновнаго; кто лилъ фальшивую монету, тому заливали горло, и т. п. По Уложенію: «а кого кто убьетъ съ умышленія, такова убійцу казнить смертію; которые денежные мастера учнутъ дѣлать мѣдныя или оловянные или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавляти мѣдь или олово или свинецъ, за такое дѣло — залить горло; а будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и такова зажигальщика сжечь». (Уложеніе: XXI, 75; V, 1; X, 228).—Самъ историческій Шемяка, имя коего сдѣлалось прозвищемъ «всякаго судьи—восхитника», прибѣгнувъ къ равносильному возмездію: за ослѣпленіе отомстилъ тѣмъ, что ослѣпилъ виновнаго. — Въ судопроизводствѣ наблюдались нѣкоторые приемы, напоминающіе гаданья и другія диковинныя вещи, описаніе которыхъ можно встрѣтить въ старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Къ числу стародавнихъ юридическихъ обычаевъ принадлежитъ судъ жребіемъ: и по Судебнику и по Уложенію въ искахъ гражданскихъ, преимущественно долговыхъ, возникавшихъ между русскими и чужеземцами, дѣло рѣшалось по жребію: «чей ся жеребей выйметъ, тотъ, поцаловавъ, свое возьметъ или отцалуется». Англичанинъ, бывшій въ Россіи въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, такъ описываетъ свой процессъ съ русскимъ купцомъ: «Я былъ долженъ русскому купцу шестьсотъ рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надлежало прибѣгнуть къ жребію. Въ судной палатѣ толпилось множество людей. Суды

⁵⁰⁾ Кошкина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; гл. VII, ст. 40, стр. 95 (изд. 1840 г.).— Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: XXII, 10.

взяли два шарика восковые — одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ, кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей, бросили ему шарикъ въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою *правую* рукою одинъ изъ нихъ: вынулъ мой. Я заплатилъ шестьсотъ рублей... народъ славилъ правосудіе небесное⁵¹⁾».

Хотя взглядъ на ту или другую черту могъ постепенно измѣняться, тѣмъ не менѣе занимающій насъ памятникъ въ его цѣломъ составѣ причисляемъ былъ къ сатирическимъ уже въ началѣ восемнадцатаго и даже въ концѣ семнадцатаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того, что составители сборниковъ считали его заимствованнымъ изъ польскихъ жартъ и помѣщали рядомъ съ юмористическими произведеніями. Въ сборникѣ, хранящемся въ публичной библиотекѣ, непосредственно передъ Судомъ Шемяки помѣщена Притча о старикѣ, ухаживающемъ за молодою женщиною, которая говоритъ ему: а тебѣ у меня старому смерду — спать на полу на голыхъ доскахъ, а въ головы тебѣ жерновъ дресвяной камень, да пожалую тебя — велю дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ѣшь сухой хлѣбъ; а сопернику старика—крупчатые калачики, сдобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да вино въ кубцѣ—золотомъ вѣнцѣ, лебединая перина да чижевое зголовье, да соболиное одѣяло, и т. п. За Шемякинымъ Судомъ помѣщенъ разговоръ двухъ товарищей — пьющаго съ непьющимъ и затѣмъ—о чаркахъ, сколько кому пить: текстъ обоихъ статей находится и на лубочныхъ картинахъ.

Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоение, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ

⁵¹⁾ Карамзина: Исторія государства російскаго. Т. IX, примѣч. 788.

Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1882. Книжка III, стр. 210—218.

и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду и безспорно извѣстны были и на Руси. Эти сказанія тѣмъ скорѣе могли привиться въ русское общество, что они находятся въ тѣсной связи съ любимыми нашей стариной апокрифическими произведениями.

Не вдаваясь въ область догадокъ и произвольныхъ выводовъ и основываясь единственно на фактахъ, приведу въ заключение одинъ изъ нихъ, которому нельзя отказать въ значеніи при всестороннемъ изслѣдованіи памятниковъ нашей древней литературы. Весьма популярна была у насъ легенда о хромцѣ и слѣпцѣ, приставленныхъ сберегать роскошный садъ: она приводится у писателя двѣнадцатаго столѣтія, она встрѣчается во многихъ древнихъ прологахъ, она перешла даже въ народныя загадки: «слѣпецъ увидѣлъ зайца, хромой догналъ и положилъ нагому за пазуху: слѣпецъ — душа человѣка, хромой — тѣло, заяцъ въ полѣ — ѣда и питье, нагому за пазуху положилъ — въ ротъ вложилъ» и т. п. ⁵²⁾. — Смыслъ русской легенды и ея иносказаніе заключается въ томъ, что душа и тѣло (слѣпецъ и хромецъ) неразрывно соединены въ человѣкѣ, вмѣстѣ участвуютъ во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, а потому должны нести обоюдную отвѣтственность, и въ день суда подвергнутся за грѣхи совокупному наказанію. Таже мысль и въ тѣхъ же образахъ выражена въ слѣдующей легендѣ вавилонскаго талмуда, поразительно сходной съ русскою въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о слѣпцѣ и хромцѣ: ⁵³⁾.

— Однажды Антонинъ Пій (часто бесѣдовавшій съ рабби Іегудой святымъ) сказалъ ему между прочимъ, что, по его мнѣнію, плоть и душа могутъ освободиться отъ загробнаго приговора.

— А какъ такъ? спросилъ рабби.

— А такъ, возразилъ Антонинъ, что плоть можетъ оправдываться говоря: «душа виновата, потому что съ тѣхъ поръ, какъ

⁵²⁾ О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (во второмъ выпускѣ рукописей графа А. С. Уварова), стр. 42—48, 54—55.

⁵³⁾ Вавилонскій Талмудъ, гл. II, стр. 81.

она отлучилась отъ меня, я лежу въ могилѣ безмятежно, словно мертвый камень». Душа же можетъ точно также утверждать, что плоть согрѣшила, ибо «съ тѣхъ поръ, какъ она оставлена мною, я порхаю въ эфирѣ свободно какъ птичка».

— Рабби отвѣтилъ: я приведу тебѣ примѣръ, уясняющій это дѣло. Жилъ-былъ царь, у котораго находился великолѣпный садъ съ прекраснымъ виноградникомъ. Въ немъ онъ посадилъ двухъ стражей: хромого и слѣпаго. Разъ хромой говоритъ слѣпому: «я вижу въ саду прекрасный виноградъ, — возьми-ка меня на плечи, и вмѣстѣ отправимся за лакомствомъ». Слепой послушался, хромой сѣлъ на слѣпаго, и доставши виноградъ, съѣли его. Спустя нѣсколько времени явился къ нимъ хозяинъ сада. На вопросъ хозяина, куда дѣлся прекрасный виноградъ, бывший въ саду, хромой отпирался говоря: «вѣдь я безъ ногъ, какъ же я могъ за нимъ пойти»? Слепой же, подобно ему, отрекался сказавъ: «вѣдь я безъ глазъ, какъ же я могъ увидѣть его»?.... Но что сдѣлалъ хозяинъ? Онъ посадилъ хромого на слѣпаго, и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

— Подобно хозяину сада поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть, и наказываетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Страница 30, строка 10:	заронъ	зарокъ
• 31, • 3:	великоажескомъ	великокняжескомъ
• 31, • 11:	требованіямъ	требованіямъ.
